Ольга Шаблакова

Мельница дней

Брянск, 2016 г.

УДК 82-1
ББК 84(2Рос=Рус)
Ш 13

Шаблакова О.А.

Мельница дней: Стихи. – Брянск, 2016. - 116с.

ISBN 978-5-9908790-4-1

«Мельница дней» – первый сборник стихов брянской поэтессы Ольги Шаблаковой. В него вошли стихи разных лет: исторические и пейзажные зарисовки, философские размышления, почти дневниковые откровения о любви, поэтические посвящения.

Ольга Шаблакова – лауреат Всероссийского литературного Фестиваля-конкурса «Хрустальный родник» (г.Орёл), лауреат международного литературного конкурса «С любовью к поэту», посвящённого 80-летию поэта А.В.Мишина (г.Смоленск), член Союза писателей России, Международного Союза писателей и мастеров искусств, Брянского областного литературного объединения.

Свою первую книгу с благодарностью посвящаю

любимым родителям – маме Полине и папе Толе.

Ольга Шаблакова

МЕЛЬНИЦА ДНЕЙ

* * *

Целый день перебираю книги.
По старинке ими полон дом.
Твен, Гюго, Шекспир, Сервантес, Диккенс –
Ласково беру за томом том.

Открываю Пушкина, Толстого,
Тютчева, Тургенева – своих.
Восхищаюсь совершенством слова.
О делах забыв, читаю их.

Не сижу в компьютерных архивах,
Книгою печатной дорожа.
Верю я, в страницах молчаливых
Авторская теплится душа...

Санкт-Петербург – Брянск

Ещё вчера Смоленкою брела.
На редкий лёд,
Раскинув чёрно-белых два крыла,
Готовых в лёт,
Садились чайки в будней суете.
Шла по воде
Флотилия утиных серых тел,
Встречая день.

В метро народ стоял плечом к плечу,
И сам в себе.
Казалось, даже если закричу,
Иль стану петь,
Я никого ничем не удивлю:
Здесь пруд пруди
Чудных людей... Подарят по рублю –
И уходи.

Не став пустым прицелом сотен глаз,
Идя на вы,
Я отстояла очередь у касс,
Чтоб от Невы,
Отдав поклон холодной красоте
Её дворцов,

Привет нести сорокой на хвосте
К земле отцов.

Из Петербурга прибыл «Пересвет»,
Путь номер пять.
И хмурит брови пасмурный рассвет,
И дарит пять.
Апрельский снег целует щёки мне,
По-детски рад.
Я возвратилась в город на Десне.
Ну здравствуй, брат!

Площадь Партизан

Есть в Брянске площадь Партизан.
Там обелиск многометровый –
Победы символ – к небесам
Вознёсся, и горит суровый
Знак вечной памяти — огонь,
И воины в рывке застыли:
Враг, нашей Родины не тронь!
… А мимо мчат автомобили,
Идут прохожие, спеша
К своим делам, в своих заботах.
Везёт в коляске малыша
Девчушка в топике и шортах,
И дети кормят голубей
Недалеко от монумента.
Ершистый шустрый воробей
Ворует, пользуясь моментом,
У птицы мира пару крох.
Что площадь Хлебной называли
На рубеже былых эпох,
Об этом вспомнит кто едва ли.
Теперь здесь областной музей;
Зимой – каток, концерты – летом;
И место встречи для друзей;
И сердце города. Воспет он

В стихах и прозе. И хранят
Потомки память о погибших.
Спокойны всполохи огня.
Героев не бывает бывших.
Мы вместе – город, вся страна.
Тесна с портретами колонна
И нескончаемо длинна.
Так люди славят поимённо
Всех, кто пожертвовал собой –
Бойцов и партизан России.
Врагу достойно давшим бой
Мы снова говорим: спасибо.
И влившись в поколений строй,
За годом год взрослея тоже,
Придём осеннею порой,
Придём весеннею порой,
Придём любой другой порой –
Цветы на памятник возложим.

Бытошские девчата

Посвящается Люсе Кривошеевой
и Маше Бобковой

В Бытоши девчонки дружили.
Их детство совпало с войной.
И подвиг они совершили,
О том и не ведая, но…
Скрывались в лесах партизаны.
Сражались отцы и братья.
От их нападений внезапных
Не стало фашистам житья.

Им в помощь, девчонки спешили
Известия в лес отнести.
Корзинки несли небольшие
И немца просили: пусти.
Сулили и с ним поделиться
И он пропускал их, грозя:
Чтоб шли по тропинке, что сбиться
Ни влево, ни вправо нельзя.
...А семечек, спичек – по счёту:
Шифровки в карманах девчат.
Возьмутся бойцы за работу,
Их данные с картой сличат.

Про семьи расспросят. Лукошки
Наполнят богатством лесным.
Проводят девчат до дорожки
К Бытоши путём окружным.

…И вот в котелок часовому
Черника ссыпается. – Гут!
Ему невдомёк деловому,
Чем эти малышки живут.
Предатель расстрелян – за дело.
Обоз с продовольствием взят.
Опять часовому несмело
Спектакль они изобразят,
Чтоб раненых лётчиков двое
Успели к своим проползти.
И где-то собака завоет,
И станут захватчики мстить.
...Врагами побег обнаружен,
Больная замучена мать.
Но как оккупанты не кружат,
Девчат им уже не поймать.
Их в тыл увезли партизаны,
Чтоб в послевоенные дни
На те же лесные поляны
С победой вернулись они.

Снежка

Если от дел устала я
И на душе тоска,
Снежка, речушка малая –
Белая гладь песка –
Встретит в изгибе заводи
Зеленью, тишиной.
И, не готовясь загодя,
Поговорит со мной:
Редкими рыбы всплесками,
Кваканьем лягушат.
Станут проблемы детскими,
Их без меня решат.
Надо всего лишь вслушаться
В шелест листвы и трав.
Вёсла спокойно сушаться,
Лопасти вверх задрав.
Треплеть лазурь небесная
Бороды облаков
Под берега отвесые
Вытеснив рыбаков.
...Снежеть, речушка милая,
Левый приток Десны,
Ты обладаешь силою
Праздника и весны!

В ясный денёк – искристою,
Чистой, живой водой.
Если умоюсь – выстою
Перед любой бедой!

Октябрина

Ягодами хвалятся рябины,
Вдоль дороги выстроившись в ряд.
Сорванною гроздью Октябрина
Украшает девичий наряд.

В золоте рождённая осеннем,
Любит краски яркие она.
В парк спешит октябрьским воскресеньем,
Солнечною радостью полна.

С ней мольберт и сумочка с гуашью.
Лёг у ног случайный серый друг –
Старый пёс, ведущий жизнь бродяжью.
И она рисует всё вокруг.

В пёстрый цвет окрасит листья клёнов,
В жёлтый – гривы львиные дубов.
И замрёт прохожий изумленно:
Мир-то окружающий каков!

Октябрина засмеётся звонко,
Вновь и вновь готова ворожить.
Как прекрасен мир в глазах ребёнка,
До чего же хочется в нём жить!

Очищение дождём

В землю кланялись деревья, подниматься не спеша.
Ливень – кара за неверье, грома грохотом страша,
Шёл стеною. Нет спасенья и под крышей, он – внутри.
Осознанья обретенье: мир – аквариум. Смотри,
Пляшут водоросли веток, изгибаются, маня,
Как на дно морское, где-то позабытую меня.
Словно я – не я, а кто-то мне неведомый пока.
И течёт ручьём с карниза неуёмная строка.
И расплылись в осьминогов чувств и мыслей облака.
И останется ль немного на года или века?
В этой битве со стихией устоять мне не дано.
Смоет дождь стихи другие, но оставит, как вино,
Настояться пару-тройку с терпким вкусом –
рада, брат,
Ведь для них был собран лучший,
первосортный виноград.
Ливня росчерки косые. Тычусь рыбкой за стеклом,
Видя, как идёт мессия и ложится бурелом.

Осенний лес

Сосен верхушки в лазури небесной.
Хвойного воздуха свежий настой.
Осень-художница кистью чудесной
Плавно взмахнула, и лес – золотой,

Жёлтый, лимонный, горчичный, шафранный,
Яркий янтарный и блеклый льняной.
Каждый оттенок – нежнейший, желанный –
Кроны окрасил одну за одной.

Тёплым оливковым высветил ели,
Сочною зеленью – мягкие мхи.
Серый налёт обрели, побледнели
Пальчики ивы, ладошки ольхи.

Землю укрыло накидкой рябою.
И в тишине, средь берёз и дубов,
Листья слегка приподняв над собою,
Смотрят испуганно шляпки грибов.

Неотвратима пора листопада.
Лес всё прозрачнее день ото дня.
Но лоскутками цветного наряда
Осень ещё погостит у меня.

Зимнее утро

Шёл снег – и на белом, на мягком, воздушном
Вороны и галки кричали натужно.
Их спор непонятный – на птичьем наречьи –
Стрелял в тишину, как охотник картечью.

А бусинки глаз с любопытством следили
За тем, как тропинкою люди ходили.
Как возле колёс расчищали завалы,
И грели машины, и щётками талый

Снежок обметали с капота и стёкол.
Как дворник лопатой по лестнице цокал.
Как сонных детишек на санках возили
В детсад... Не об этом ли птицы бузили,

Когда постоловкаться в город слетелись?
Топчась, не о нас ли они разгалделись?
О том, что и этим – бескрылым и странным –
Дана в испытанье небесная манна...

Плюс восемь

Скоро – Новый год. А здесь — плюс восемь,
Лужи и зелёная трава.
Это в город возвратилась осень,
А зима сдала свои права.
И, того гляди, вернётся лето.
Разошлись сегодня облака,
И в прогале голубого цвета
Солнца луч сверкнул издалека.
Запрокинув головы, смотрели
Мы с тобой в открывшуюся даль.
И как будто сами молодели.
И бесследно таяла печаль.

Оздоровительное

Чтобы не было одышки,
Нужно сбросить лишний вес.
Ни к чему весной излишки.
Откажитесь наотрез
От копчений и солений,
От мучного и конфет.
Пусть грустят без нападений
Холодильник и буфет.
От оранжевой морковки
Настроенье – хоть куда!
Ежедневно – тренировки
И прогулки, господа.
Говорят, стройнит капуста.
Ах, желудок – как мешок:
Плохо пусто или густо,
Меру знать бы хорошо!
По утрам – контрастный душик:
И закалка, и массаж.
…Нет отбою от подружек.
Просят все: диету дашь?
А диета – нет секрета –
Образ мыслей и режим.
Оздоравливаться к лету?
Нет, здоровым быть всю жизнь!

Зависть

Мы сравнивать любим не с худшим, а с лучшим,
Хоть повод для зависти глупый подчас.
И вот, истязаньем покой свой нарушив,
Мы меряем счастье с чужого плеча.

Стоим перед зеркалом. Великовато.
Ни ваты набить, ни заузить нельзя.
А сердце уже выбивает стаккато,
Такое же в точности счастье прося.

Осень

Осень нарядом хвастает –
праздничным, золотым.
В пряди свои вихрастые
щедро вплела цветы.
И, нанизав рябиновых
ягод на тонкий луч,
Горсточку птахам кинула...
Из-за небесных круч
Солнце ей улыбается.
Ластится к ней река –
В зеркале вод купаются
белые облака.

Всё у хозяйки ладится.
Ну а придёт пора –
Жёлтое скинет платьице
прямо среди двора;
И в пеньюаре выцветшем,
словно сойдя с ума,
Листик последний, высохший,
с ветки сорвёт сама.
Сдунет с ладошки – птицею
пустит на юг лететь.

Бледной, пастельнолицею
будет на мир глядеть.
И понимать откажется
то, что нас вскоре ждёт.
И никому не скажется,
просто от нас уйдёт...

Сплетницы

В грязной луже небо – серо-чёрное.
А у сплетниц – языки кручёные.
Завернут, и мало не покажется.
Берегись любой, кто с ними свяжется.

Взглядов, слов, поступков смакование.
Все вердикты выданы заранее.
Слухи запускают вереницами,
Факты заменяют небылицами.

Для чего им разговоры праздные?
Кто они? Да, в общем, люди разные!
Кто от скуки, а иной из вредности
Тешатся в своей духовной бедности.

Говорят, есть в сказке доля истины,
Да иголки не найти под листьями.
В грязной луже – небо серо-чёрное,
Спит за тучкой солнце золочёное.

Судоку

Часы доро́ги чтению отдам.
А чтоб отвлечься, захвачу судоку.
Я не ищу в головоломке проку,
В ней цифры расставляя по местам.

Тоскливо одиночество пути...
А все ж азарт меня одолевает,
Когда не сразу выстроишь, бывает,
Квадрат от одного до девяти.

Пусть за окном мелькают чередой
Леса, деревни, города, туманы –
Чужая жизнь, что мне близка так странно
И радостью своею, и бедой.

Ведь мне её – увы – не разгадать,
Как это пресловутое судоку,
Которое не к спеху и не к сроку
Решаю, чтобы время скоротать.

В тумане

В тумане – дорожные знаки, обочины, люди, дома...
Белесая воздуха закипь колышется, сводит с ума.
В ней движутся смутные тени,
замедлив свой бешеный бег,
Сквозь толстые ватные стены
в иной, нам не ведомый век.

Новолуние

Потерялась луна... Пятый вечер пытаюсь искать.
Мириады сверкающих звёзд,
с белым шлейфом комета...
Купол неба огромен, но в нём поселилась тоска.
Я сижу у костра посреди комариного лета.

И не думала даже, что можно найти её днём.
Что восход и закат у луны не по времени суток.
Просидела полночи, любуясь подвижным огнём.
А на утро проснулась от кряканья вспугнутых уток.

…Тонкий серп отразила, волнуясь, речная вода.
Надо мною гуляли на пару и солнце, и месяц.
И сидели, как нотки, воробушки на проводах.
И в потухшем костре уголёк продолжал ещё тлеться.

Случайный попутчик

В.К.

Случайный попутчик. Упрямо топорщатся уши.
Глаза, как трясина. За словом не лезет в карман.
И врёт-то как ловко! И всё-таки хочется слушать,
И каждый рассказ про запас засыпать в закрома.

Что в сказанном правда,
а с чем он сроднился опально,
Не так уж и важно. Земной, существующий ад.
Случайный попутчик – слегка приоткрытая тайна,
Стихия: цунами, лавина, тайфун, камнепад.

Октябрь

Морозное утро. Едва золотится восток.
Ещё на деревьях кафтан прохудившийся зелен.
Чуть слышен щемящий, щебечущий птичий восторг.
Опавшими листьями внутренний дворик застелен.

Сияют и светятся бархатцы, как маяки
Средь братьев увядших, чьи рядом чернеют макушки.
Пестрят хризантемы. Летят семена-мотыльки –
Как парашютисты – с лысеющей липы верхушки.

Ворвавшийся ветер рассыплет нечаянный снег,
Что вскоре растает, и всюду появятся лужи.
И солнечный зайчик стремглав пробежит по стене –
И тотчас умчится, чтоб где-то укрыться от стужи.

Непогода

Мо́рось. Унылая хмарь ноября.
Лист оторвали от календаря.
Кружит в паденье, как прочие все.
Поздняя осень в печальной красе.

Охряной, бурой, сопревшей листвой
Лёг на газоны с пожухлой травой
Коврик – не коврик: тряпица, рваньё.
Каркает в голых ветвях вороньё.

Дождь заливает дома и дворы.
Лавки, дорожки, качели мокры.
Слёзы с плакучих берёз потекли.
Лужи прикрыли неровность земли.

И, поднимая глаза к небесам –
Серо-белесым – не ведаешь сам,
Чем непогода близка и нежна,
И отчего так порою нужна...

Зимняя прогулка

В сталактитах сосулек и снежных валах вдоль дорог,
В проржавевших киосках в глуши полутёмных окраин
Дух уснувшего города прячется. Он одинок
И растерян в морозном безмолвии.
… Светом играя,
Возвышается месяц, как идол, на капище звезд.
Не горят фонари. Лишь квадратные пятнышки окон,
Занавешенных плотно, сиянием призрачных гнёзд
Освещают окрестности, но без особого толка.

Забредаю подальше – в тиши отдыхает душа.
Ни к чему притворяться, долой карнавальные маски.
Я молчу, и со мною под ручку идёт не спеша
Городской домовой, и сгущает полночные краски.

Он загадки загадывать мастер, а это по мне.
Он такой кавалер, что всех прочих за пояс запрячет,
Хоть не скажет и слова. А в городе падает снег...
И не всё совершенно...
но разве бывает иначе?

В больнице

Вот и весна занимает свой пост…
Солнце настырное греет и будит.
Легче одежды и радостней люди.
Травы безудержно двинулись в рост.

Даже не верится (слёзы из глаз!),
Что возрождается снова природа.
Жизнь, у которой не будет исхода –
Вот чем весна обнадёжила нас.

Бабочки вьются. Взлетев на карниз,
Голуби хлеб разрывают на части.
Только отвыкли в больнице от счастья,
Не замечают весёлых реприз.

— Бабушка, вот и дождались, тепло.
На огороде соскучились грядки.
Скоро поправишься, будешь в порядке –
Внукам на радость, болезни назло.

Вон, посмотри на соседку, ей сто.
Поговори с ней, скучает подружка.
Сядешь? Под спину готова подушка.
В чай с чередою долью кипяток.

Хочешь, чуть-чуть приоткрою окно?
Как же там здорово!.. Машет рукою,
Смотрит устало – зачем беспокою?
Ей ничего ведь не нужно давно…

* * *

Утюг плюёт в меня водой кипящей,
А я шепчу: прости, дружок, прости...
Мы – пешки лишь. Игрок же настоящий
За нас решает, кем вперёд вести,
А кем рискнуть. Твоё напрасно рвенье,
Что толку, милый, мнить себя ферзём...
Ты гладишь, я пишу стихотворенье –
Мы просто существуем, вот и всё.

Дачное

Город – вот он, в двух шагах, захотел – и вышел.
И весь день опять в бегах, в суматохе дел.
Это после, а пока кот мурлычет рыжий,
Клянчит миску молока – бедный, похудел.

Нынче птахи высоко – на шесте скворечник.
И усатый, щурясь, ждёт, он нетороплив.
Тянет сыростью, травой, скошенной у речки.
И насос гудит, гоня воду на полив.

Розовеет на кустах первая малина.
Вишни тянут ветки вниз, набирают сок.
Сливы тонкий стебелёк ввысь стремится длинный.
Земляники на столе полный туесок.

Дача! Тонкий аромат чайной розы в паре
С ярким, вяжущим – полынь перед входом в дом.
И смородиновый дух лета в самоваре.
А проблемы, суета – это всё потом...

Будущая прогулка с внучкой

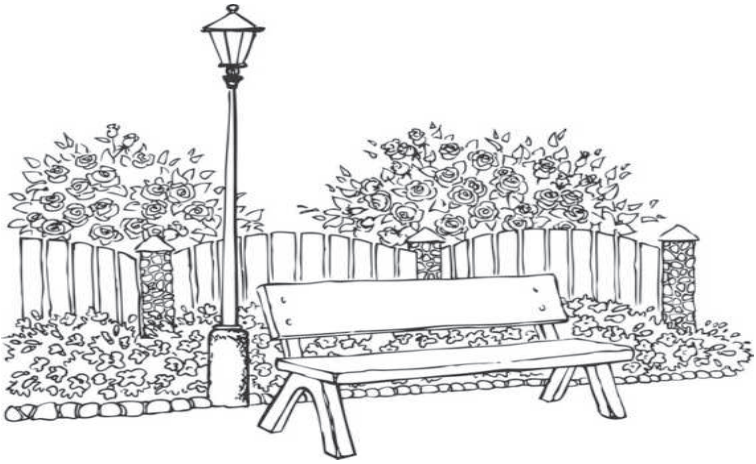
За деревнею – поле. По пояс колышется рожь,
А по краю её разбрелись васильки да ромашки.
Вот чудесный букет нам!
Но лишнего – слышишь? – не трожь.
Пусть растут на просторе,
где клевер рассыпал кудряшки.
Возле самой тропинки, смотри-ка, цветёт иван-чай.
Мы засушим его, будет он с ароматом фруктовым.
Его узких листочков целебность себе примечай:
Можно мелко порезать – на ранку лекарство готово.
Не найдёшь иван-чая, тогда подорожник возьми,
Тоже верное средство.
...А вот – колокольчики, тронь-ка!
Есть преданье о них,
что с любовью хранится людьми:
Раз в году – на Ивана Купалу – звенят потихоньку.
В этот праздник сорвёшь «царь-огонь» –
и откроется дверь
В мир деревьев, цветов, птиц-зверей:
их поймёшь пересуды.
Ну, конечно же, сказка.
Но ты – хоть немножечко! – верь
И тогда непременно случится желанное чудо.

Мельница дней

Ни года́ и ни доли секунды
Возвратить из минувшего нам не дано.
Перемолоты времени груды,
Но течёт и течёт золотое зерно.

Каждой крохи великое в малом
Перетрут в безразличье своём жернова,
В бесконечном движенье усталом –
Достиженья, события, люди, слова...

Оттого-то, как Доны Кихоты,
Нападаем на мельницу дней всё сильней:
Хоть не знаем отпущенной квоты,
Да сражения нам всё нужней и важней.



ФОНАРИКИ СЧАСТЬЯ

* * *

Налей мне сухого вина.
Я много не выпью, ты знаешь.
Мне просто картинка важна,
Как ты мне бокал наполняешь.
Как с вызовом смотришь в глаза
И шепчешь: смешная глупышка!
Ну чем мне ещё доказать:
Люблю... Жаль, что чувства излишка
Оставить нельзя на потом,
Ведь счастье так сиюминутно!
...С тобой, как с пушистым котом,
Сегодня тепло и уютно.
И хочется дома сидеть
Весь день, несмотря на погоду.
И так друг на друга глядеть,
Как будто не виделись сроду!

Разводили мосты

Ты устал и уснул.
Над Невой разводили мосты.
Тормозили таксисты
и прочие с грешною мыслью.
И разбросаны были по небу пустые листы.
И к стремительным чувствам
тянуло под тёмною высью.

Лезли в светлую голову глупости,
всякая блажь,
И фонарики счастья взлетали вдали,
над Дворцовой.
Плыли баржи,
и волны стучали о каменный пляж,
Где среди молодёжи прошлась я
походкой гарцовой.
Где, сложив в позу лотоса ноги,
смотрела в огни
Эрмитажа
с речным зазеркальем дворцовых строений...
Ты все это проспал.
Значит, после меня не вини.
Разве я виновата в усталости чьей-то и лени?

Золотится висок

На заре у тебя золотится висок.
Это ангел рассыпал небесный песок,
Чтобы я осознала с рождением дня,
Как светло и безумно ты любишь меня.

...Юркий солнечный луч ускользнул по стене.
Спи, любимый, и не сомневайся во мне.

Сутки в пути

Снова во сне тревожном что-то ворчишь устало.
Скоро ночной автобус нас под Париж домчит.
Знаешь, когда ты рядом – это не так уж мало.
Вот и прижмусь, чтоб слышать, как, торопясь, стучит

Сердце из-под рубашки в клетку, на ней карманы
С кнопками, как ты любишь. Ты в ней такой родной!
Запах с кислинкой пота. Он мне приятен – странно.
Греюсь и засыпаю. Знаю, что ты со мной.

Внешне – совсем обычный. Есть интересней, краше.
Да и фигура... В общем, милый – не супермен.

Вовсе не гений. Что я? Чем для меня так важен
Каждый твой жест, движенье,
каждый с тобой момент?

Ты же не принц наследный, нет сундуков со златом.
Только с тобой спокойно – верю, не пропадём.
Можно спросить совета, поговорить, как с братом.
После минутной ссоры вновь компромисс найдем.

Мой – вот во что я верю. Мой, и никак иначе.
Ну потому, что это и объяснить нельзя.
Словно за дверью ветер жалобно, тихо плачет,
Веткой в окно стучится, в дом запустить прося.

Так же и я тоскую, если пришлось расстаться.
Этому нет названья. Хочешь, зови – любовь.
Так ли тебе спокойно рядышком просыпаться,
В водоворот сомнений не попадая вновь?

Интуитивный выбор иль умопомраченье,
Или и то, и это, и что-нибудь еще –
Надо ли разбираться?
…Вместе хрустим печеньем,
Крошки печали сладкой стряхивая со щёк.

Не та...

Кость сожженных страстью – бирюза –
Тайная мечта...
Многим я заглядывал в глаза:
Та или не та?
(М.Волошин «Пляски»)

1.

— Что ты девушке сказал,
чем расстроил так?
Порт, перрон, автовокзал,
за спиной рюкзак.
Ты решил: она не та.
В чём её вина,
Что команда «от винта»
вдруг тобой дана?
Глубина в её глазах,
волосы как лён.
Ты лишь пару дней назад
был в неё влюблён.
Ищешь страсти как огня,
и сгораешь в ней.
Только мне ли объяснять
мимолетность дней?
Ведь сомнения всегда
гложут изнутри…

2.

— Эй, девчушка, не беда,
С грустью не смотри.
Пожалей его – чудак!
Пожелай добра.
Скольких женщин бросил так
он в своём вчера?
Прогоревший костерок –
угольки, зола –
Ты, как свежий ветерок,
весело зажгла.
Раззадорила – забудь.
Не тебя он ждал.
А кого? Да в том и суть:
если б сам он знал!

Бумажные письма

Бумажные письма, почти мемуары,
Хранят откровения близкой души.
События жизни, удачи, удары,
Проблемы, которые надо решить.
И почерк — единственный, неповторимый.
О, помнящий пальцы тетрадный листок,
Столь бережно мною на память хранимый,
Отчаянья и вдохновения исток!

Мне кажется, что промелькнуло столетье...
Что, может, придумана эта любовь?
Но вот же, в обычном почтовом конверте –
Листок. И огнём я охвачена вновь:
Ведь было же, было!.. Затеплилась вера,
И время — надёжная, твёрдая мера –
Сдалось, отступило до ве́домых чисел:
Я жду почтальона.
— Мне не было писем?

Одинокая женщина

Одинокая женщина ночью – субъект подозрительный.
Фонари на бульваре – софиты, прохожие – зрители.
Им она и для вздохов объект:
может, бедная, брошена.
И сомнительный случай.
И шанс для общенья хорошего.

А себе-то самой – кто она, одинокая женщина?
Ведь и думать боится о том, что кому-то предвещана.
Но пришёл выходной,и вернулась надежда пропащая.
Интернет – пустозвон...
Да ведь есть же любовь настоящая!

Тэт-а-тэт, чтобы видеть глаза и движение каждое –
Вот о чем она думает...
Знать бы, облегчат ли жажду ей
Эта ночь или утро?
И умница ведь, и красавица!
Только принца всё нет,
И одной ей с тоскою не справиться.

Не тебя ль она ищет, бредя по аллее бессонная?
Не к твоей ли душе устремилась душа окрылённая?
Сколько будешь стесняться,
боясь совершенности образа,
Руководствуясь разумом –
красною стрелкою компаса?

Танцующая в чёрном

Морское побережье в объятьях ночи нежной.
Девчонка в платье чёрном у линии воды
В порыве безотчётном и страстна, и мятежна,
Танцует, словно ищет спасенья от беды.
Не ведающих тайны пугает пантомима.
Что шепчут её губы, что видит она за
Туманным горизонтом?.. А все проходят мимо,
Лишь отблески причальных огней в её глазах.
Несчастная? Колдунья? Больная ли душевно?
О, как она прекрасна в движеньях тонких плеч,
В перемеженье ножек!.. Так что же мне так скверно?
И чьё она стремится внимание привлечь?
Удар волны – и пена... Она самозабвенна.
Удар волны – и пена... Прозрачная вуаль,
Подхваченная ветром, уносится мгновенно,
Крылом своим вороньим расчерчивая даль...
Смотрю с тоской немою. О, что же, что со мною?
Танцующая тает, свой унося секрет.
А люди веселятся: мутит глаза вино им.
И музыка всё громче, и слов бессвязней бред.

Всё отлично!

Путь мой выстлан намёрзшим льдом,
И скользят, разъезжаясь, ноги.
Я смогу всё понять потом,
А теперь уходи с дороги.
Будто оттепель – и мороз
По живому, мне очень больно.
Я-то думала, ты – всерьёз.
Но расслабься. Команда — вольно.

Я не жалуюсь, Бог с тобой.
Просто надо смириться с этим,
И смешаться в одно с толпой,
И купить на концерт билетик.
Что с того, что столкнёт нас жизнь
Сотни раз в суете столичной!
…Я внушаю себе: держись.
Ноги едут, но всё отлично.

О привязанности

«…неужели это жизнь — быть привязанным?!
Неужели в этом есть своя логика?!»
(Р. Рождественский)

Незримые цепи нас прочно сковали,
А мы о свободе и не тосковали.
То кризис, то дети, то поиск работы –
Да мало ли в жизни нам было заботы!

Мы ссорились, но по какой-то причине
Любые конфликты гасились в зачине.
И радуясь солнцу, и пряча печали,
Мы вместе радушно гостей привечали.

А счастье порой незаметно наружно,
Когда всё спокойно, привычно и дружно.
И рядом родной человечек надёжный,
И не привязаться к нему невозможно!

Озеро Мутное

В глубоком Мутном озере на донышке – песок.
Мы весело плескаемся, и прячемся в лесок.
Ногами взбаламучена у берега вода.
Жарой июньской мучимы, мы вновь спешим сюда.
Кто с удочкой, кто с дурочкой, кто с другом, кто один;
Кто посмотреть на уточек, кто рыбу поудить;
Дышать вечерней влагою, петь песни допоздна;
Играть в «апорт» с собакою. А не пуста казна –
С лучком шашлык поджарится, мясистый помидор.
Всё, чем смогли затариться – на стол под разговор.
Под звёздами купание – русалочья игра.
И уходить не хочется, когда домой пора.
Проверено – заверено, друзей зови сюда!
Смывает грусть и горести озёрная вода.

Прощание

Тебя я проводила на вокзал,
Твой призрак помаячил мне в окошке.
...Устрою дома тренажёрный зал.
Займусь ходьбой на беговой дорожке.

Пресс покачаю, обруч покручу.
Не подтянусь, так повишу немножко.
…Чай заварю – такой, как я хочу,
В нём будут земляника и морошка.

Ты чёрный, без добавок уважал...
Поцеловал. И не сказал ни слова.
И будто бы зарезал без ножа.
Но нет, жива. И, кажется, здорова.

...Твой поезд стыки рельсов сосчитал,
Под мерный стук в пути спалось прекрасно.
И ты названий станций не читал.
И нервы не растрачивал напрасно.

Обещанья

Без обещаний жизнь печальней...
(В.Тушнова)

Если ты обещаешь – не верить никак не могу.
Оттого ли, что сам ты –
как яркий безудержный праздник,
Оттого ли, что льстишь так умело и мило, проказник,
Обещанья свои, что конфеты, даря на бегу.

Сохраняю их с нежностью.
Глупо тебе возражать:
Слишком искренен голос,
пусть даже ты врёшь для приличия.
Ведь смешно утверждать, что сегодня я не хороша!
Продолжай обещать, я играю в «найдите отличия».

И ничуть не расстроюсь, когда, покачав головой,
Ты вздохнёшь: «не получится».
И улыбнёшься невинно.
Ведь была же надежда!
А что не сбылась – не впервой.
Но зато любовалась, как ты обещал мне картинно.

На озере

Водичка в озере – парное молоко,
И наш заплыв сегодня будет далеко.
И только ты один останешься скучать,
По телефону на вопросы отвечать.

Ах, как ты занят – что поделать? – суета.
А мы неспешно – здесь такая красота! –
Пересечём за болтовнёй беспечной сей,
Впитавший небо перламутровый бассейн.

В закатном солнце изумрудны берега.
Ну, кто мне холод и простуду предрекал?
Нам рукоплещет приозёрный окоём,
А мы от счастья что-то глупое поём.

Нам так легко, что позабыли про дела!
А ты, на скачках закусивший удила,
Дошёл до финиша? Иль все ещё в бегах?
В закатном солнце затерялся в берегах...

Разговор

Разговор – что часы песочные,
Скоро кончится слов запас.
Для тебя я как все, как прочие,
Ничего нет, что сблизит нас.

Я готова, да взгляд твой холоден,
И задать я вопрос боюсь:
Что там нового в вашем городе?
Нет мне воздуха. Рыбой бьюсь.

Только льдина крепка, прозрачная –
Не пропустит к тебе меня.
Начал голову отворачивать...
Ничего, я смогу понять.

Женщины – кошки

Мы – женщины – кошки. Мы ластимся к доброй руке.
Создания нежные, требуем мы утешенья.
Гляди же, гляди на меня – изнываю в тоске!
О, это несносное чувство! Желание – жженье.

Хозяин, когда-то ты сам же меня приручил!
А нынче так занят – порой забываешь погладить.
И вот, намекая на что-то, ножи наточил.
Зачем же? Со мной по-хорошему можно поладить!

Вчера были гости. Один из них нежил меня –
Чесал за ушами, под шейкой. Ему я мурчала.
Тебе же всё время хотелось меня прогонять,
Но я возвращалась – и всё начиналось сначала.

Ты много курил и кричал на меня, на него,
Как будто бы кошки от глажки по спинке убудет.
Хозяин, ведь мне же не надо совсем ничего,
Зачем этот гость и все эти случайные люди?

Ладонью своею по шёрстке моей проведи,
Ласкай же, хозяин, меня, мне тебя не хватает!
Я вскоре, уютно свернувшись, усну на груди,
Мурлыча от счастья... И чувство обиды растает.

Птица

Зачем держать рожденную на воле,
Но пойманную птицу – взаперти?
Ее стихия – ветер в чистом поле,
Открою дверцу узнице: лети!

Взмахнёт она прозрачными крылами –
И с воздухом сольётся золотым.
А я займусь обычными делами,
Не ведая, что птица – это ты.

И стоит от забот освободиться,
И, вспомнив, запечалиться о ней,
Она сама в окошко постучится,
И снова в дом попросится ко мне.

Парк Горького. Июнь. Аттракцион...

Парк Горького. Июнь. Аттракцион,
Где он дежурит допоздна сегодня.
И наш с тобой вечерний моцион.
И я – то ли подружка, то ли сводня.

Ты про него мне плакала опять
Всю ночь, потом полдня без перерыва.
Такая вот – любовь? Пойдём гулять,
Иначе доведёшь себя до срыва.

Предчувствую, осмысливая всё,
О чём ты со слезами рассказала,
Что он свою добычу унесёт,
Кивнув мне на прощанье у вокзала.

В его глазах я вижу страсть и ад.
Он стольких знал, что сердце огрубело.
«Моё!»– звучит преамбулой. Он гад.
Но ты, как зомби, притащила тело.

И пропадаешь – с ним и без него.
И выбираешь – с ним, жизнь на татами.
...Беременность. Замужество. Развод.
И мы с тобой не видимся годами.

Ты даже свой последний телефон
С нехваткой цифры скинула «в контакте».
Не слыша звона, знаю я где он.
В метро тебя увидела я как-то.

С тобою был красавец молодой,
Ты выделялась боевой раскраской.
Лишь локон равнодушной запятой
Покачивался над веселья маской.

* * *

Вам легко обмануть меня:
я безрассудно доверчива
И наивна по-детски, такой родила меня мать.
Предо мной красноречье своё вам
растрачивать нечего.
Я умею и так, по глазам вашим всё понимать.

Я приму вас как есть:
и с грехами, и с бедами вашими,
Разделю вашу боль, если будет делима она,
Ваша ложь, ваша лесть
мне уже не покажутся страшными –
Я встряхнусь после вас от прекрасно-нелепого сна.

Вы уйдете. А я... отведу от окна занавеску,
Вам вослед посмотрю,
лбом в холодное ткнувшись стекло.
Вспомню ваши насмешки –
и весело хмыкну в отместку.
И не буду вас ждать: так обманчиво ваше тепло.

Ромашки

Ты охапкой принёс мне ромашки.
Окунула лицо в белый дым.
Собрались лепестки, как барашки,
К серединкам цветов золотым.

Я – хозяйка огромной отары!
Набираю в ведёрко воды.
Пусть подольше не вянет подарок,
Что вручил мне с улыбкою ты.

Я люблю хризантемы и розы,
Но они неуместны сейчас.
Без того оголтелые осы
До темна кружат около нас.

У костра, в ожиданье рассвета,
Ты расскажешь мне всё про себя.
И останется в памяти лето,
Где барашки в ромашках не спят.

Всё шевелятся, будто живые,
Всполошённые в бликах огня,
Наблюдая за тем, как впервые
Ты, робея, целуешь меня.

* * *

Побыть одной, подумать в тишине.
Пусть влажный ветер
дружит с тёплым солнцем,
Качает Волга чаек на волне,
И сердцу вдохновлённому поётся.
Ладонями сгребать к себе песок.
Почувствовать: пейзажа тоже часть я.
С годами опустевший туесок
Заполнить безмятежным тихим счастьем.

ДИКАЯ КЛУБНИКА

* * *

Ладошки волн пошлёпывают берег
по мокрому песчаному плечу.
А с неба вспышки грозовых истерик
заречный город освещают чуть.
Он выглядит таинственным и страшным
под тучами, нависшими над ним.
Часть горизонта вымазана сажей,
другую часть венчает лунный нимб.
К рассвету всё становится пастельным,
озябший берег прячется в туман.
И облачной периною застелен
бездонный небосклона океан.

Дикая клубника

На высоких Волжских берегах
Есть местами дикая клубника –
Даже недозрелая сладка!
...Брошена в траву ненужной книга.

По одной кладу, смакуя, в рот.
Надо мною ласточки мелькают.
Позабыт в пакете бутерброд.
Ягоды меня не отпускают.

Приторны, пропитаны рекой,
Только ем и ем я их упрямо,
Потому что ягодой такой
В детстве угощала меня мама.

* * *

Шутил братишка, как пришла пора:
Ищи-ка мужа, чтобы мне по нраву!
Воспринималось это как игра,
Хоть старший брат совет давал по праву.

И так уж вышло – оба рыбаки.
Такие: на рыбалку, не «за рыбой».
Как встретятся, не вытащишь с реки,
Пока не посидят на всех изгибах.

Рванут на море – я под бережком
Дремлю в шезлонге с книжкой и блокнотом.
Приучена – отец был рыбаком –
Не вижу в ранних вылазках цейтнота.

Поскрипыванье сосен вдалеке.
И крики вечно ссорящихся чаек.
И запах рыбы, бьющейся в садке.
...Приедут мужики, напьются чаю,

Чего покрепче (если ночевать),
И потекут неспешно разговоры,
Пока не станут оба так зевать,
Что кончатся смешки и стихнут споры.

...Бесчисленное воинство с небес,
Блестя щитами, будет мчатся долго.
Я утром подхвачусь, а муж исчез –
Уже рыбачит с братом в пойме Волги.

Деревне

Здравствуй, косой заборчик,
Крыши печальный скат!
Ярость теряя к ночи,
Солнце скользит в закат.

За огородом, в дымном
Мареве от костра
Глади речные стынут.
Там, на мостке, сестра

Тихо бельё полощет...
Славное слово: весь!
Издревле чище, проще,
Искренней люди здесь.

Молча хожу, вдыхаю
Нежный букет из трав.
Радуюсь, отдыхаю,
Ближе немного став

С теми, что прежде жили
На полверсты окрест,
С лёгкой дорожной пылью,
С воздухом этих мест…

Мамино детство – сколько
Было тогда родни!
Всех разметало! Только
Мы здесь гостим одни.

Старый журавль колодца
В зарослях буйных трав
Больше летать не рвётся,
Голову ввысь задрав.

Позавалились избы,
Позаросли поля.
Лес вырубают… Лишь бы
Выдержала земля!

Взять бы, вернуться к древней,
Шум городской кляня.
Примешь меня, деревня,
Сможешь любить меня?

Тётушка

Тётушка с утра траву косила,
Помолившись до света в углу.
И откуда в ней рождалась сила
Уложить под ноги целый луг?

Хлеб и щи ещё томятся в печке.
Привезли из города внучат –
Сено ворошить, купаться в речке.
Некогда и спать ей, хлопоча.

Глаз да глаз за каждым, хоть большие,
Но зато не скучно, не одна.
Пот смахнёт со лба, любуясь ширью
Родины, что Богом ей дана.

Отдохнёт, и снова за работу,
Чтобы сеном полнился сарай.
А вернётся – взглянет, встал ли кто-то,
И подаст горячий каравай.

Просто так сидеть она не может.
Сходит, земляники наберёт,
С молоком парным гостям предложит.
Всё успеет сделать в свой черёд.

Так – всю жизнь в заботах: то о детях,
То о внуках, чуть забывшись сном.
... Тишина в деревне. Только ветер
Бьётся с заколоченным окном.

Добрая глубинная Россия!
Ничего нет слаще и больней.
Тётушка моя, Анастасия,
Помолись на небушке о ней!

Забываюсь...

любимой маме

Забываюсь. Мне кажется, ты в этом мире живёшь –
Где-то пьёшь молоко с сухарями, уставшая за день.
Что могу позвонить тебе вечером, голоса ради –
Чтобы просто услышать, ведь ты и молчанье поймёшь.

Моя малая родина, детство и юность мои –
Всё упрятано памятью в сейфе с особым секретом.
И тебя ощущаю в себе я искрящимся светом,
Словно здесь и сейчас мы с тобой неразлучны стоим –

Вековечные мать и дитя, породнённые души.
Я живу как твоё продолжение, всполох огня.
И пока он танцует, наш дом до конца не разрушен,
Ты со мной в этом солнечном мире и любишь меня.

Мать

маме Тамаре

Врачи давно руками развели
И, опустив глаза, вздохнули: поздно...
Но как такое мы сказать могли
Ей, матери своей? Она бесслёзно
Молила еле слышно об одном...
Напрасно, умереть врачи не дали.
Вновь белое постели полотно,
И все от безысходности устали.
Лекарства лишь мучения продлят.
В больнице койко-место ждут другие.
Но как забыть всё осознавший взгляд,
Когда бросают все, хоть не враги ей?
Сын на руках несёт её домой...
На ней халат, пальто, платок по плечи.
Цепляется за шею: хоть самой
Ей тяжело, пусть сыну будет легче.

Помнишь, Лёшка?

любимому братишке

Мы теперь остепенились:
Дети выросли, пора.
В жизни многого добились,
И накуплено добра.

А когда-то, брат мой Лешка –
Молодой и холостой –
Мы, налопавшись окрошки,
Мотоцикл седлали твой.

Мчались весело «на дачу» –
Поле, колышки в траве.
— Вот землица наша, значит, –
Плыли мысли в голове, –

Нам для счастья много ль надо?
Мир. И жить не хуже всех.
Мы хозяйским строгим взглядом
По лугам взбирались вверх –

К голубому поднебесью,
Щурясь: вот, мол, где-то там.
И позднее, честь по чести,
Всё здесь встало по местам.

Дом построен. Есть колонка.
Груши, яблони растут.
Привози сюда ребенка.
Отдыхай всё лето тут.

Там – клубника, здесь – малина,
Помидоры, огурцы.
Вот горошек стебель длинный
Тянет: ешьте, молодцы!

...Дети выросли. И внукам
Скоро будет сдан надел.
Помнишь, Лёшка: вскинув руку,
В поле чистое глядел?

Отчий дом

Первый дом – деревянный, из двух этажей –
До сих пор существует фантомом в душе.
В измеренье иное как будто шагнув,
В нём родителей я повстречаю, уснув,
И других – мне родных и знакомых людей,
От которых теперь не дождаться вестей...

Там секреты соседей – у всех на устах,
И всегда на своих постоянных постах –
На скамейке крыльца, на другой, под окном,
Феи – бабушки. И утаить не дано
Ничего, получив наводящий вопрос.
Так звучал он настырно – шутя, но всерьёз.

В доме восемь квартир и чуть больше семей.
Дети слушались взрослых (перечить не смей!),
И ни шагу – без спросу у них – со двора.
...Но ребенок растет, наступает пора
Подростковая: спорить, молчать, убегать.
Здесь решает судьба. Бесполезно ругать.

Гибли больше мальчишки — на рельсах, в авто –
По случайности, не виноват в том никто.
Только дом становился чуть-чуть сиротой
С каждой новой потерею, с каждой бедой.

Лишь теперь понимаю глубинную суть
Его вздоха полночного – кроткого: будь!
Будь добрее, отзывчивей, проще, дружней –
Это все от него сохранилось во мне.
Будь — живи, не тая ни обиды, ни зла.
Как могла, я в себе его сущность несла:
Его яблони, вишни, березы, забор,
Окруженный сараями маленький двор,
Прелесть чистой доверчивой детской любви –
Он-то видел, как жалась к стеклу: позови!
Он-то знал: тот, в кого (в первый раз!) влюблена,
Весь — в девчонках, и путает их имена...

Дом любил и его, и меня — всех-всех-всех.
Наши игры на лестнице, шалости, смех.
Пригревал и своих, и захожих котов.
Всех на свете принять и обнять был готов!

...Я его пепелищу шептала: прости!
Мне щемило глаза. Я сжимала в горсти
То ли землю, куда он всей сущностью врос,
То ль прощенье себе, и не прятала слёз.

Хоть всегда существует «сейчас» и «потом»,
Поселился в душе моей дома фантом.
Каждой досочкой пола скрипучей поёт
Этот дом, и покоя порой не даёт
Мысль, идущая с логикой жизни вразрез:
Если б я не уехала — он не исчез...

Папин голос

Сквозь закрытые ресницы просочился солнца свет.
Мне опять сегодня снится, обретая явь и цвет:
Папин голос хитрым лисом будит в школу, щекоча,
Соблазняя то ирисом, то покупкою мяча.

Тихий, ласковый, весёлый, неизменный сквозь года,
Прогоняет сон тяжёлый, пробуждает. И когда
Память стёклышком укрыла папин голос? Вот секрет!
Этим чудом, этим счастьем будет новый день согрет.

На Волге

Два кольца отняла у меня, обручальных кольца.
Ухватила теченьем, укрыла в песочек сыпучий.
Что же я всё брожу, что же я всё ищу без конца,
Всё надеюсь на глупый,
не мне предначертанный случай?

Может, это расплата за ясные тёплые дни,
За нахальство вторженья:
мол, в брызгах царица явилась!
Двадцать лет между кольцами... Данью ложатся они,
Чтобы я возвращалась. И я уже с этим смирилась.

Что же я всё брожу – сквозь прозрачную воду гляжу,
На чистейшем песке побережья
свой след обозначив?
Всё ищу под ногами удачу и не нахожу.
Ну и ладно, зачем мне удача с чужой неудачи?!

Костюм лучницы

Белый лён – на нижнюю рубаху:
Рукава – крылами – до земли,
Древние орнаменты... К запáху
Сто петель тесёмочки свели.
Чтоб носилась с честью!
А для славы –
Верхнюю, и тоже изо льна.
Той длины, что будет гладить травы.
Той расцветки, чтоб была она
Ясною зарёй неугасимой,
Рдеющим багрянцем над рекой.
Лучницы костюм – моей любимой
Доченьке, терзающей покой:
Стрелами в мишень – из арбалета,
Роликами – Питерский проспект,
Чумовой любовью – это лето,
Странною идеей – интеллект.
...Проложу последние стежочки.
Завяжу покрепче узелок.
Ролевой костюм готов для дочки.
Попадай в десятку, ангелок!

Шум далеких волн

Я обожаю каменистый пляж,
Особенно пустынный, ранним утром,
Когда приходит время мысли мудрой,
И назревает озорства кураж.

Безбрежность моря, плеск шальной волны...
И золотоискатель одинокий –
В наушниках – глядит себе под ноги,
Таинственный в сиянии луны.

Мы разминемся раз и навсегда.
Он и не отвлечётся ни на йоту,
Ушедший в повседневную работу.
Ему привычна эта красота.

А я смотрю вокруг – не насмотрюсь,
Дрожу – от ветра и от восхищенья.
Светает быстро. Каждое мгновенье
Уходит навсегда, и я борюсь...

Охватываю взглядом всё вокруг
И камушков красивых набираю.
Быть может, кто-то скажет, я играю?
Мол, задержалась в детстве, милый друг...

Коллекция большая из камней,
Пакет наполнен памятью о лете...
Родные заявили о запрете.
И всё же с Крита, сувениром мне –

Как приглашенье (взяты из-под ног),
Как драгоценность (знал, что я хотела!),
Белейшие, в сравненье даже с мелом,
Привозит камни новые сынок.

Я их держу в ладонях, словно сон
О пляже, мной пока не покоренном,
Рассветном море умиротворённом,
И слышу лёгкий плеск прибрежных волн...

Два взгляда на Матисса

Я купила картину Матисса –
Странный танец на лысой горе.
Мне казалось, бесшумны и быстры,
И подвластны беспечной игре,
В ней души нашей вечной стремленья
К отреченью от суетных дел
Отразил он в пылу озаренья
В наготе грубо слепленных тел.

Но, подвергнув картину гоненью,
Вся семья убеждала меня,
Что не светом полна она – тенью,
Что в картине не видно огня,
Что сокрыты и взгляды, и лица,
В хороводе разорван их круг –
Вовсе нечему им веселиться,
И никто здесь друг другу не друг.

И теперь я не знаю ответа,
Что он видел в своём мираже?
И вздыхаю: всего-то три цвета,
А какая печаль на душе!

Первая смерть

бабушке Марине

Я помню, что бабушка доброй была.
Я в садик ушла, а она умерла...
Мне было четыре годочка.
… Укрыта по брови платочком,
Лицо как у статуи... Свечи, народ.
Чужая старушка по книжке поёт –
Нездешне, с мольбою унылой,
Но ласковой: «Боже, помилуй...»

Заплакала мама, и я завелась –
Навзрыд – и вселенная вся сотряслась...
О! В сказках такое бывало!
Мне бабушку заколдовала
Презлющая ведьма — я так поняла.
Затем, чтобы бабушка вечно спала.
И не разбудить мою фею,
Ведь я ворожить не умею...

А может, купить человечка?

Закончились кофе и гречка.
Пора в магазин – покупать.
А может, купить человечка,
Чтоб нянчить его и ласкать?
Чтоб снова наполнились груди,
К которым его приложу.
О, как же мы счастливы будем –
Все сказки ему расскажу!
Мои уже взрослые дети
Ему нарожают родни.
И будут на этой планете
Не так одиноки они.
И буду я – бабушка, мама –
В плену их весёлых затей
Всего добиваться упрямо,
Больших не страшась скоростей.
Осваивать с ними новинки
(В технический верю прогресс),
Разглядывать с ними картинки,
К познанью растить интерес.
...Года не прикупишь – не гречка,
И всё же не стоит тужить,
Мы очень нужны человечкам,
Нам есть для чего дальше жить!

Сарми

В твоём доме соседствуют хлам и изящные вещи,
Антикварные штучки и мелочь, что стоит гроши.
В транс ушёл Шри Чинмой –
с фотографии смотрит зловеще,
Ну а ты говоришь, что совсем он тебя не страшит.

Сколько лет захожу с новоселья – тюки да коробки,
И не куплена люстра, и где-нибудь капает кран.
Вечно некогда, вечно нет денег,
живёшь, как в подсобке.
Но зато весела и объездила множество стран.

Тишину без тебя одиноко баюкает кошка –
Одичала совсем, бедолагу хожу покормить.
И цветы поливая, гадаю, как это возможно:
Дом – твоё отторжение. Знаешь, в рецепте сарми

Ничего необычного, кроме иного названья.
Ты готовить не любишь, но если приспичит –
так что ж...
...Вместо чашек в буфете фаянсовые изваянья.
Скоро им пополненье из Англии ты привезёшь.

Сколько новых подробностей дом о тебе открывает,
Неохотно откликнувшись на любопытство моё!
И всё кажется мне, будто срок индуист отбывает,
И ночами бессонными мантру свободы поёт.

Проповедовать некому, заперт, он тоже в рецепте –
В этом брошенном доме, и я, дав отмашку делам,
Приоткрою балкон, и впущу к нему звёзды и ветер,
Пусть развеют тоску, пусть разделят сарми пополам.

Увивает беседку твою виноград

Ю.Т.

Увивает беседку твою виноград.
Смотрят ревностно дочки-двойняшки.
И молчит та, которой коснётся твой взгляд,
А другая с вопросом к папашке:

Почему ты не хочешь меня замечать? –
С риторическим, впрочем, вопросом.
На лице озадаченном грусти печать,
И глаза, как озёра, в них слёзы.

Дачный домик. Три комнаты, кухня, балкон
С видом на урожайные грядки.
Всё своими руками. Я сам – твой закон.
И в делах, и в семье – всё в порядке.

Не хватает девчонкам твоим одного,
Но того, что бывать не бывает:
Папка – рядом всегда. Обожают его!
Ситуация предгрозовая...

Улыбнёшься в ответ. Стол. Шашлык и вино.
Мы с ревизией дружеской в гости.

Даже я прижимаюсь к тебе заодно,
Пусть потом перемоют мне кости.

И тепло ощущаю, ты словно магнит,
Так открыт, не любить невозможно.
Пусть дочурка тебя ни за что не винит,
Задавая вопросы дотошно.

Увивает беседку твою виноград,
Над плечом твоим нежная завязь.
Человеку других и не надо наград,
Лишь бы все вкруг него собирались.

Ремонт

В Петербурге ясные денёчки,
А в квартире – ротбанд, оргалит.
Мы спешим помочь с ремонтом дочке,
Нам филонить совесть не велит.

С Первомая и до дня Победы
В трудовом азарте и пыли.
...Были деревца едва одеты –
Пышные наряды обрели.

Самокаты и велосипеды
Весело мелькают вдоль Невы.
Водоход «Кронштадт» причал наведал.
Солнышки сияют из травы...

И модельно выставив серёжки,
Хвастают берёзки красотой
Нараспашку двери и окошки.
Воздуха волнительный настой.

...Но, увы, закончена прогулка.
Шпатель – в руку, гладь и не ворчи.
Как в пустой квартире звуки гулко,
Словно мяч, пасуют кирпичи!

Канатная дорога. Геленджик.

По канатной дороге сползаем с вершины горы...
Под ногами – туман и едва различимое море.
И зловещая цифра тринадцать горит на опоре.
Предрассудок, конечно, и всё ж помолчим до поры...

Позади смотровая площадка, дольмен... Не грусти,
Что уже миновали в полёте пути половину.
Геленджикская бухта кошачую выгнула спину,
Греет старый Кавказ воду Чёрного моря в горсти...

Нам навстречу из дымки пустые сиденья плывут:
Слишком поздно, и больше наверх никого не пускают.
Молодые дубочки листву в облаках полоскают –
И купаются в небе, и нас искупаться зовут.

Их зелёные жёлуди дружно кивают нам вслед;
Липу, бук и ольху обгоняет малыш-можжевельник.
За большими камнями укрылись косули, олени.
Их сухая трава согревает, как ласковый плед.

Вот и мы – друг для друга –
спасенье от бед и невзгод!
Виноград и инжир, и корявую дикую грушу,

Поднимая гигантскую, лесом покрытую тушу,
Прикрывает от ветра встревоженной птицей Маркотх.

Скоро спуск завершится, ногами коснёмся земли
И почувствуем тяжесть – привычное нам притяженье.
А пока продолжается плавное небоскольженье.
И пастелен закат. И зажгли огоньки корабли.

* * *

С родового дерева опадают листья...
Хочется доверия и поддержки близких:
Чтоб немного помнили, чтобы в гости звали,
В трудный день опорою быть не уставали,
В светлый час без зависти радовались вместе.
А случится – вышли бы проводить по чести...

НА ПРАЗДНИК ПОЭЗИИ

Рождение стиха

В ложечке языка
прячась, на волю просится
(крошка совсем пока,
страшно, как в пропасть броситься)
новорожденный стих,
вот запишу – и сбудется...
Но ветерок затих,
что же ему не дуется?

Кошка накрыла нос
тёплой, пушистой лапою.
Я задала вопрос.
Жду, и минуты капают
дождиком за окном.
Может, не стоит мучиться?
Может, забыться сном –
После, потом получится.

Шум за окном – проспект.
Ночью и днём – движение.
Есть и такой аспект:
роды, как отторжение.
А расставаться жаль.
Что его ждёт - не ведаю.

Сможет ли он дышать
или сгорит кометою?
Хватит ли куража
До ветерочка свежего?
…Крылья уже дрожат.
Больше нельзя удерживать.

Ф. И. Тютчев и Овстуг

Пусть жизнь человека для вечности – миг,
Что скажем – вселенной не ново,
Но бьётся поэзии чистый родник –
Великого Тютчева слово.

Кто был он – мечтатель, поэт, дипломат,
Философ средь мрачного быта,
В поэзию свой воплотивший талант?
Какая в нём тайна сокрыта?

Родившийся в Овстуге, здесь он бродил
В свои подростковые годы,
Здесь папеньке первый свой стих посвятил,
Осилил Горация оды.

И где бы его не мотало потом,
В каких городах и столицах,
Бывало, он вспомнит родительский дом –
И грустно ему, и не спится.

И старенький пруд с островком, и к нему
Мосток, что в беседку приводит,
И лебеди... Вот где мечталось ему,
И вольно жилось на природе!

…Где стены, что помнят младенческий смех?
Разрушено милое здание.
А новый усадебный дом на холме
Не помнит дни Тютчева ранние.

Душой не помещик. Что светскому льву,
Оставившему увлеченья,
Труды захолустья? – Лишь сон наяву,
Закатное солнца свеченье.

Ведь после блестящего Мюнхена здесь
И скучно ему, и убого!
В цензуре, в политике мыслями весь;
И манят дела и дорога.

...А в Овстуге всё Эрнестина ждала
Любимого – и принимала
Такого, как есть – без обиды и зла.
Хоть он навещал её мало.

Здесь строчки рождались о дивной поре,
О днях, что прозрачно хрустальны,
О том, что в беспечной природы игре
Мы смутны и как-то случайны.

Восторгом объят к чародейке-зиме,
Иль в августе жарко-бредовом,
В Россию всем сердцем он верить умел,
И в ней продолжается Словом!

Николаю Рубцову

И так раздумаешься вдруг,
И так всему придашь значение,
Что вместо радости - испуг,
А вместо отдыха - мучение...
/ Н.Рубцов «Бессонница»/

Нет тебе упокоенья в спешке, в шуме городском.
Беспрерывностью движенья,
как в суденышке морском,
Ты укачан и умаян, и скукожен , жухлый лист...
Лишь на воле, в чистом поле,
лишь в деревне свеж и чист.

Под полуночной звездою, что глядится в полынью,
Умываешься водою, плещешь кистью по лунью.
Месяц – коник златогривый –
над тобой пустился вскачь.
Ах, какой же ты счастливый!
Хочешь – смейся, хочешь – плачь.

Жгучим чувством, как ознобом к тихой родине объят.
Суть не в том, что там, за гробом –
здесь нужнее тот, кто свят.
Есть резон побыть поэтом! Блок, Есенин, Велимир
Хлебников – не тени это! Каждый – чей-нибудь кумир.

Да и ты – не лыком шитый – выгнан вьюгой за стихом.
Сто дорог тобой избиты, скачешь призраком верхом.
Распластав свободно крылья
сильной птицею летишь.
В деревеньке, в заковылье всю Россию разглядишь.

Старичок-то молчаливый, скажет только: ночевай.
Мир здесь – Филькин, справедливый,
тем и дорог этот край.
Невеселою минутой к прежней милой постучишь.
Ждешь расплаты, но как будто
и любовь в ней различишь.

Поздней ночью прочь прогонит,
зверя дикого – долой!
Белой дымкой в поле кони, давит в спину ветер злой.
Ты ж видением из детства
нежной девочки пленён.
Поцелуем без кокетства самым первым опьянён.

От него душа светлеет как рассветный звонкий луч.
Пусть же снова зеленеет луг,
дождя испивший с туч!
В многоцветье умирённом так легко тебе идти!
Но не удовлетворённо, что ты тщишься в нём найти?

То ли новых потрясений,
то ли грёзы прежних дней,
То ли в золоте осеннем пролетевших журавлей,
То ли девушек в купавах, то ли друга в непогодь?
Всяк – живой иль мёртвый – в славах,
зря себя не колоброд.
Не раздумывайся на ночь, ей под силу нет борцов.
Пой нам, Николай Михалыч, выдавай, поэт Рубцов!

Сергею Есенину

Мне нравилось читать в двенадцать лет
«Опавший клён» и «Осень золотую»…
Всё помню, как сейчас: отбросив плед,
Я у окна над рифмами колдую.

Из влажной ночи веет ветерок.
На чёрный хлеб – черничное варенье,
Да с молоком. Идёт рожденье строк.
Я первое пишу стихотворенье.

…Как далеко умение ваять,
Без жалости обтёсывая камень!
И сколько раз ещё мне так стоять,
Как он, сжимая голову руками*,

И не жалея больше ни о ком*,
Ведь дали всех ушедших* затуманят.
Хоть он со мною вовсе не знаком,
А грустные слова мне сердце ранят.

Мечтая о неистовой любви,
Цепляюсь к нему веточкой сирени*,
Чтоб ощутить его и уловить
Неповторимость прожитых мгновений.

...И ничего в прошедшем не жалеть*.
У каждого свой путь из тьмы и света.
Но, выткавшись, заре всегда алеть*
В стихах и песнях русского поэта.

---

* – строчки и образы Есенинских стихов

Максимилиан Волошин

Тогда
Из глубины молчания родится
Слово
(М.Волошин Подмастерье)

В просторной рубахе, с посохом, оставив у моря дом,
Ушёл на рассвете по суху, звездою своей ведом.
От лёгкой прохлады ёжился и запахи различал.
В пути, отрешаясь, множился:
всё был он – волна, причал,
Сухая травинка, облако, тропинка в степи, гора.
Где явь становилась мороком,
там жизнью была игра.
Казалось, гасил сознание и волю свою терял.
Он так рассчитал заранее, не ведая, что смирял
Себя – как и учит Библия, и в собственной тишине
В сомнениях обессиливал, и вдруг становился вне
Пространства, размера, цвета,
вне вкуса и вне времён,
Вне плена дневного света; и был он вознагражден,
Когда в глубине молчания, постигнутое едва,
На ощупь, в слепом отчаянье
он смог облачить в Слова...

Памяти Н.И.Рыленкова

И Брянску, и Смоленску он родной.
Есть в этом слове множество оттенков.
Летят незримо над большой страной
Стихи, что подарил нам всем Рыленков.

Он общий, он великий, хватит всем
Его раздольных строчек о природе,
О Тюнинской чарующей красе,
О Родине и о своём народе.

Такие не уходят в никуда.
И продолжает беспокойно биться
Поэта сердце с ритмом века в такт,
И славой от столицы до провинций.

Навлинские Рёвны

В местах, где бывал Паустовский,
Особая благость живёт.
Пейзаж среднерусский, неброский
Однажды к себе призовёт.

И взгляду откроются тайны
Сокрытых прекраснейших мест.
И вдруг понимаешь случайно,
Окинув глазами окрест,

Что вот оно – сердце России:
Тропинка в лесу, резеда...
Какая – не ведаешь! – сила
Тебя заманила сюда.

По Рёвнам гулял Паустовский –
Аллеей из лип вековых.
Пейзаж среднерусский, неброский –
В его зарисовках живых.

Куст ивы, над речкой мосточек –
Отчизны простая душа.
Вглядись, и другой не захочешь,
Настолько она хороша!

Светлячок

Владимиру Сорочкину
на презентацию книги «Потаённое небо»

Светлячок в потаённое небо
Не скрывая задора глядит.
Где-то там, где ни разу он не был,
Раскалённо, вишнёво сердит,
Дремлет дядька огромный и жаркий,
Горизонтом укрывшись от глаз.
Светлячок помнит взгляд его яркий
И хранит огонёк про запас.
Этим светом – холодным и чистым –
Он спешит заговаривать тьму.
Свет вдыхая всей грудью, лучится.
Ведь, светлея, светить самому.
Чтоб из дня, осиянного светом,
Влиться в озеро светлой слезой,
Вспыхнуть птицею-молнией где-то,
Громыхнуть в непросветность грозой.
Иль хотя бы горящею спичкой
Донести нам из горенки свет.
Светлячок. Дурачок-невеличка.
И талантище. Глыба. Поэт.

Чистотел

Виктору.Володину

Средь зимы зелёный чистотел
Весело маячит на пригорках.
Снег лежит на гипсе львиных тел
Тютчевского скверика. И зорко

Сам поэт следит, как драмтеатр
Выдаёт премьеру за рекламой...
У его подножья не Монмартр,
Но – скамейки, лесенки и дамы,

И коллега переводит дух,
Отдыхая от стихосложенья.
И роднит поэтов брянских двух
Трепетное к Музам отношенье.

И томит извечная тоска:
Мир, увы, далёк от совершенства.
В нём порой так трудно отыскать
Хоть немного счастья и блаженства.

Фонарик

Виктору Володину

Пригодился фонарик! И я вспоминаю тебя,
Друг сердечный – пошляк и философ,
ворчун и заноза.
Ты вручил мне на сцене его, про сигналы трубя,
Что должна посылать я... И вот она, скучная проза:
Где-то кабель сгорел, Геленджик погрузился во мрак.
И подумала я: может, это Васильич подстроил?
И «сигналила» я, и фонарик светил, как маяк,
И на пляж выводил душно-жаркой ночною порою.
Мы сидели, лежали, ходили, прохладой дыша.
Рассыпала вода огоньки автономных подстанций.
И в четвертом часу тонкий луч, под ногами кружа,
Нас повел наконец-то уставших домой отсыпаться.
…А на Брянщине спящий Васильич, наверно, икал,
Пил водичку, недоумевая, кому он был нужен.
А фонарик отличный! Достойно светил, не мигал.
Так что буду сигналить,
ты очень потрафил мне, друже.

Табуретка

Юрию Сухову

Кто рисует, кто лепит, кто вяжет, кто шьёт,
Иль плетением занят из веток,
А мой друг сочиняет стихи и поёт,
И создал свой музей табуреток.

Он для каждой придумал особый узор
Грациозно изогнутых ножек.
Веселят новизной и изяществом взор,
Словно дышат поэзией тоже.

Небольшие, подспорьем готовые стать,
Подставляя сидения-спинки.
Ах, на них мы могли б не сидеть, а летать,
Позабыв про шнурки и ботинки.

В мастерских настороженно смотрят станки:
К ним впервой привели экскурсантов.
И звучат голоса, словно эхо, звонки,
Двадцать первого века вагантов.

И смеётся жена его, видя мои
От восторга блестящие глазки.

Ах, какие со стружкой идут здесь бои!
Ах, как деревом пахнет!..
И сказки

Будут сниться под щебет пичужек с утра.
Так спокойно бывает мне редко.
И подарена будет – вот это ура! –
К дню рождения мне табуретка.

Людмиле Вальцыферовой

По этим рисункам когда-нибудь тоже
Крупицу к крупице историю сложат –
Историю города, нашей культуры.
Учтут изменения архитектуры,
Рельефа, сравнят перспективу, названья,
И, может быть, кто-нибудь сложит преданья.

Кто знает? Художник лишь выхватил взглядом
Мгновенье из вечности – вот оно, рядом.
Как в раме окошка, картина в багете:
Церквушка. Усталые домики. Едет
Машина по улочке. Бабушка с клюшкой
Идёт вдоль забора, а тот – завалюшкой,
Как пьяный (рукою дотронься – и ухнет).
Но что-то такое заложено в духе,
В идее, в штрихах, что с любовью ложились,
Чтоб мы любовались, чтоб мы удивились,
Увидев в привычном забытое всуе.
Спасибо, художник, за то, что рисуешь!

Родник

Наталье Мишиной

По ягоды пол-леса исходив,
Увидели родник мы на поляне.
Под тихий переливчатый мотив
Чарующе сверкал хрустальный глянец.

О, как была прозрачна, холодна
В ладонях наших чистая водица!
Скрипела где-то старая сосна.
А мы всё пили – не могли напиться.

Стояли с земляникой два ведра.
Просеменил замешкавшийся ёжик.
Исчезли и усталость, и хандра.
А мы всё пили, пили, пили...
Боже!

Ты даришь нам людей, как ручейки
Бесценные, чтоб поддержать в дороге.
Мы к ним идём спасаться от тоски.
Защиту ищем в горе и в тревоге.

...Благодарю, что есть и у меня
Такая родниковая поляна,
Где птичьи голоса, смеясь, звенят,
И хвойный воздух сытен, как сметана.

На праздник поэзии

Что нас роднит? Поэзии струна,
Натянутая мастером искусным
На гриф судьбы. И глазу не видна,
Она поёт то радостно, то грустно.
Мотив души, как тоненькая нить,
С клубка вселенной вытянут и брошен.
Мы тщетно мним хоть что-то изменить,
И рассыпаем пригоршни горошин
Своих стихов – и эти семена
Ложатся в землю, и даруют пищу.
Поэзия – волшебная страна,
Ведь в ней любой обрящет то, что ищет.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

А может, купить человечка? 81
Будущая прогулка с внучкой 33
Бумажные письма 42
Бытошские девчата 9
В больнице 30
В тумане 24
Вам легко обмануть меня 56
Всё отлично! 45
Дачное 32
Два взгляда на Матисса 79
Деревне 64
Дикая клубника 61
Женщины – кошки 52
Забываюсь 68
Зависть 19
Зимнее утро 16
Зимняя прогулка 29
Золотится висок 38
Канатная дорога. Геленджик 87
Костюм лучницы 76
Ладошки волн пошлёпывают берег 60
Людмиле Вальцыферовой 107
Максимилиан Волошин 99
Мать 69
Мельница дней 34
На Волге 75
На озере 50
На праздник поэзии 109
Навлинские Рёвны 101
Налей мне сухого вина 36
Не та… 40
Непогода 28
Николаю Рубцову 94

Новолуние 25
О привязанности 46
Обещанья 49
Одинокая женщина 43
Оздоровительное 18
Озеро Мутное 47
Октябрина 13
Октябрь 27
Осенний лес 15
Осень 20
Отчий дом 72
Очищение дождём 14
Памяти Н.И.Рыленкова 100
Папин голос 74
Парк Горького. Июнь. Аттракцион... 54
Первая смерть 80
Площадь Партизан 7
Плюс восемь 17
Побыть одной 58
Помнишь, Лёшка? 70
Прощание 48
Птица 53
Разводили мосты 37
Разговор 51
Ремонт 86
Родник 108
Рождение стиха 90
Ромашки 57
С родового дерева опадают листья 88
Санкт-Петербург – Брянск 5
Сарми 82
Светлячок 102
Сергею Есенину 97
Случайный попутчик 26
Снежка 11
Сплетницы 22

Судоку 23
Сутки в пути 38
Табуретка 105
Танцующая в чёрном 44
Тётушка 66
Увивает беседку твою виноград 84
Утюг плюет, шипя водой кипящей 31
Ф. И. Тютчев и Овстуг 91
Фонарик 104
Целый день перебираю книги 4
Чистотел 103
Шум далеких волн 77
Шутил братишка, как пришла пора 62

СОДЕРЖАНИЕ

Мельница дней

Целый день перебираю книги....4
Санкт-Петербург – Брянск....5
Площадь Партизан....7
Бытошские девчата....9
Снежка....11
Октябрина....13
Очищение дождём....14
Осенний лес....15
Зимнее утро....16
Плюс восемь....17
Оздоровительное....18
Зависть....19
Осень....20
Сплетницы....22
Судоку....23
В тумане....24
Новолуние....25
Случайный попутчик....26
Октябрь....27
Непогода....28
Зимняя прогулка....29
В больнице....30
Утюг плюет, шипя водой кипящей....31
Дачное....32
Будущая прогулка с внучкой....33
Мельница дней....34

Фонарики счастья

Налей мне сухого вина....36
Разводили мосты....37
Золотится висок....38
Сутки в пути....38

Не та….....40
Бумажные письма.....42
Одинокая женщина 43
Танцующая в чёрном.....44
Всё отлично!.....45
О привязанности.....46
Озеро Мутное.....47
Прощание.....48
Обещанья.....49
На озере 50
Разговор 51
Женщины – кошки.....52
Птица 53
Парк Горького. Июнь. Аттракцион.....54
Вам легко обмануть меня 56
Ромашки 57
Побыть одной.....58

Дикая клубника

Ладошки волн пошлёпывают берег.....60
Дикая клубника 61
Шутил братишка, как пришла пора 62
Деревне 64
Тётушка 66
Забываюсь 68
Мать.....69
Помнишь, Лёшка?.....70
Отчий дом.....72
Папин голос.....74
На Волге 75
Костюм лучницы 76
Шум далеких волн.....77
Два взгляда на Матисса 79
Первая смерть 80
А может, купить человечка? 81
Сарми 82

Увивает беседку твою виноград 84
Ремонт 86
Канатная дорога. Геленджик. 87
С родового дерева опадают листья 88

На праздник поэзии

Рождение стиха....90
Ф. И. Тютчев и Овстуг....91
Николаю Рубцову....94
Сергею Есенину 97
Максимилиан Волошин 99
Памяти Н.И.Рыленкова 100
Навлинские Рёвны....101
Светлячок 102
Чистотел 103
Фонарик 104
Табуретка....105
Людмиле Вальцыферовой 107
Родник....108
На праздник поэзии 109

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ 110

Автор выражает огромную признательность за помощь в работе над книгой замечательным брянским поэтам ***Владимиру Евгеньевичу Сорочкину и Виктору Васильевичу Володину.***

Автор благодарит за конструктивную критику членов Брянского областного литературного объединения Брянского отделения Союза писателей России.

Ольга Анатольевна Шаблакова

Мельница дней

В авторской редакции

Подписано в печать 15.12.2016 г. Формат 60x84 1/16.
Печать офсетная. Тираж 200 экз. Заказ № 1331.

Отпечатано в ООО «Дубльлайн», полиграфический салон «ТИАДА+1»
241050, Брянск, ул. Красноармейская, 15, тел.: (4832) 64-50-53.